

Игорь Захаров
**Судьба
инквизитора**

18+

Игорь Захаров

Судьба инквизитора

<https://litres.ru/74673647>

SelfPub; 2026

Аннотация

Повесть "Судьба Инквизитора" - мое первое произведение. В ней я, используя приемы детективного жанра, продолжаю традиции альтернативной фантастики. Вместе с героем повести читатель побывает на Кубе Че Гевары и Фиделя, в дореволюционной России, и на загадочном Ближнем Востоке, в Америке во времена Великой депрессии, в фашистских Италии и Германии.... Головокружительные изгибы сюжета испытывают героев на прочность: верность Слову, твердость убеждений, стойкость жизненных принципов и Веры.

Содержание

Судьба Инквизитора	4
Инициация	10
Черногория	20
Персия	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Игорь Захаров

Судьба инквизитора

Судьба Инквизитора

Моим родителям посвящается

Я проснулся. После вчерашних двух бутылок рома жутко болела голова. На столе в углу спальни валялась груда сигарных окурков, а под столом – пустые бутылки. Я поднялся с кровати и нетвердой поступью подошел к зеркалу. Последние два месяца я стал себе многое позволять. Я прекращаю пьянство и стараюсь выглядеть бодро, только когда вижу Андрея. Здесь его зовут Андреас. А видел его за последние два месяца только дважды. Сегодня ровно два месяца как со мной нет Ольги. И ром, даже в огромных количествах, не может притупить мою боль потери, он притупляет ее лишь на время. Я не мог предотвратить ее смерть, я не мог отомстить за нее. И разве даже самая страшная месть вернет мне Ольгу? Этого сделать не мог никто и ничто. Никогда не чувствовал себя таким жалким и беспомощным, как эти последние два месяца. Как хорошо, что Андрей на учебе и не видит спивающегося отца. Он – все, что у меня осталось ...

И еще память....

Последнее время я часто вспоминаю свою жизнь, наверное, старею. Хотя, буквально два месяца назад в свои годы, я отнюдь не чувствовал себя стариком. Я мог посоревноваться в меткости с охранниками Фиделя. Мог еще дать взбучку Генриху на ринге. Но это было два месяца назад, а не сейчас
...

Я посмотрел в зеркало. На меня смотрело лицо спивающегося человека. Седая недельная щетина покрывала лицо. В глазах не было уверенности, жизненной силы и той божьей искры, которая помогает людям преодолевать трудности, вести за собой других или просто жить, радоваться жизни и радовать других. Лицо человека в зеркале вызывало лишь жалость. Человек в зеркале смирился со своей судьбой. Я презирал человека в зеркале. Мои кулаки сжались.

Дальше все произошло быстро, как это было и раньше. Вес моего тела переместился на правую ногу, правая нога чуть подвернулась, левая – подогнулась. Левая рука хлестким прямым ударом коснулась зеркала и тут же отпрянула назад. Все это произошло за доли секунды. От таких ударов обычно не уворачиваются.

Раздался звон разбитого стекла. Зеркало рассыпалось на куски. Пустая рама покачивалась на стене. Я посмотрел на пол. В одном из осколков я увидел свое лицо. Оно было таким же небритым, как и секунду назад, но взгляд стал жестче и уверенней.

В дверь постучали.

- Войдите, - сказал я.

- Команданте Гарсиа, что случилось? – на лице горничной был испуг.

- Ничего страшного. Зеркало разбилось. Я мимо прошел. Оступился. А оно разбилось.

- Команданте Гарсиа, осмелюсь напомнить, что доктор Перес ждет Вас на прием сегодня. Вы уже два дня не выходите, а он Вас два дня ждет. Конечно, он может ждать Вас и неделю и месяц ... Но, дон Гарсиа, - горничная осеклась, - простите ... Команданте Гарсиа, Вам уже пора позаботиться о своем здоровье. Что скажет Андреас, когда приедет на каникулы? Мальчик недавно потерял мать, а теперь он будет терять и отца? Может быть, я и говорю лишнее, Команданте, но нельзя же пить бесконечно. Простите еще раз, можете ...

- Да, Бланка, - прервал ее я, - Вы правы, и не стоит извиняться. Вы абсолютно правы и спасибо Вам за заботу. Я пойду искупаюсь, а Вы, пожалуйста, уберите в комнате.

- Будет сделано, Команданте.

Бланка и ее муж Карлос очень помогли мне и Андрею пережить смерть Ольги. В трудное для нас с Андреем время они просто были рядом. Я же в свое время помог Бланке избежать расстрела. Ретивые сторонники революции решили расстрелять служанку гнусных гринго. Тогда им помешало мое слово и удар в челюсть одному из них. Я всегда окружал себя преданными людьми...

Сегодня океан был спокоен. Взошло солнце, вода лазурного цвета переливалась в солнечных лучах. Я не торопясь зашел в воду, нырнув, проплыл метров пятнадцать и поплыл дальше. С каждым гребком жизнь возвращалась ко мне. Я плыл и плыл вперед. Мышцы снова стали упругими. Как хорошо жить в такой стране, будучи другом единоличного правителя! Как хорошо жить на вилле на берегу океана! Как хорошо, что твой сын получает лучшее в стране образование! Не так важно, что я мог бы еще и обладать министерским портфелем, но, может быть, это и к лучшему. Должность министра финансов после революции впоследствии могла бы помешать не только моей дружбе с Фиделем ... Не важно, что страна социалистическая, - у меня в доме прислуга! Как все это замечательно! Нет Ольги ... Нет уже два месяца...

Порезанные костяшки на левой руке слегка пощипывало в соленой воде. Я поплыл к берегу. На берегу в доме Бланка открывала двери и ставни, чтобы проветрить комнату, в которой я находился последние два дня наедине с бутылкой. Карлос, мой водитель, семь или восемь раз пытался прекратить мое пьянство, но побоялся угрозы получить бутылкой по голове. Он скрутил бы меня в таком состоянии без труда, но слишком уважал меня, чтобы сделать это. Сейчас я видел, как он заботливо моет мой Шевроле. Дети Карлоса и Бланки резвились на пляже брызгаясь, смеясь, и бегая друг за другом. Жизнь шла своим чередом. Все по-прежнему. Все хо-

рошо... Ольги нет! Люди! Как вы можете смеяться, когда у меня такое горе!

- Приветствую Вас, Команданте! Давно жду Вас. Хотел даже послать за Вами ... Примите мои соболезнования, - доктор Перес потупив взгляд пожал мне руку, - Фидель лично интересовался Вашим здоровьем, проходя у нас обследование две недели назад. Мало ли, вдруг он навестит меня в ближайшее время и спросит, не дай Бог, про здоровье дорогого Команданте Гарсиа. Что я ему скажу? А теперь вот Вы приехали сами и я рад Вас видеть.

- Не переживайте доктор, - ответил я, - в любом случае Вы можете на меня сослаться. Я всегда смогу замолвить за Вас слово, - я улыбнулся. - Если буду трезвым, конечно. Я хочу наконец-то привести себя в форму и принять человеческий облик. Вы мне дадите лекарства?

- Какие лекарства я могу Вам дать, Команданте, без тщательного обследования? Неделю, как минимум, Вам придется потратить на это. Анализы, рентген, врачи – все это занимает время. Вы можете провести это время у нас.

- Нет, доктор. Я буду жить у себя дома, а приезжать к Вам, когда скажете. А лекарства все равно дайте. Неужели Вы не видите по мне, как я проводил последние месяцы? По-моему, это видно без всякого обследования.

- Ах, да, конечно. Я Вам сейчас же выдам рецепт. И еще просьба: Вы сегодня не заняты? А то можно было бы пройти

рентген.

- Как скажете, доктор. Тогда я сначала на рентген, а Вы пока достаньте лекарства, рецепт мне вряд ли пригодится.

- Альма! Проводите Команданте в рентгенкабинет! – в голосе доктора прозвучали строгие нотки. В кабинет вошла симпатичная медсестра-мулатка.

- Идемте со мной, Команданте Гарсиа, - ее голос действительно звал, ... но только не в рентгенкабинет.

Рентгенолог зашел за ширму и выключил свет.

- Вдохните и не дышите минуту, Команданте!

Комната погрузилась во мрак. Темно, как в карцере. В эту минуту я вспомнил свою инициацию.

Инициация

В карцере было темно и сыро. Кормили только раз в день. Хлеб и вода ... Но все это было ничто по сравнению с тем, что было в моей душе. Отчаяние и безысходность. В памяти всплывали события предыдущей недели.

Лязгнул замок. Дверь открылась.

- Григорий Плетнев, на выход! – рявкнул толстый жандарм.

Григорий Плетнев – это я. Странно, что сейчас он обращается ко мне по имени. Ведь кроме меня в карцере никого нет. Хотя, вернее было бы ему сказать юнкер Плетнев. Приказа о моем отчислении мне еще никто не зачитывал.

Снова ведут на допрос. Странные люди эти следователи. По несколько раз спрашивают одно и то же. Все что знал и сделал неделю назад, я им уже давно рассказал. Теперь уже что-либо скрывать для меня нет никакого смысла. А что было? Была дуэль... Точнее - нет. Еще до дуэли была девушка. Наташа. Наталья Воронова. Моя единственная любовь. Был Евгений Розенберг. Барон Розенберг – мой однокурсник и отъявленная сволочь. Но его все боялись, даже наш курсовой офицер - участник двух войн. Михаил Давидович Розенберг, его отец, был вхож во дворец к царю и был заместителем министра. Женя Розенберг частенько докладывал на

своих однокурсников то начальству, то папе. Своему папе он докладывал и о начальстве. Сам по себе существом он был никчемным. А вот его папа принимал очень активное участие в жизни сына. И мне, как и многим моим товарищам, было на него глубоко наплевать. Главное – поменьше общаться с Женей. Но случилось то, чего я не мог стерпеть как мужчина и как будущий русский офицер. Это ничтожество пыталось приставать к моей девушке. Наталья отвергала его ухаживания, несмотря на те дорогие подарки, что он пытался ей дарить. И вот на балу, что был чуть больше недели назад, лакей передал мне поручение от начальника курса - срочно заступить в наряд вместо юнкера Корнилова. Я извинился перед Натальей и покинул бал. Каково же было мое удивление, когда в расположении училища я не застал начальника курса. Корнилов стоял в наряде. Никто никаких поручений никому не передавал. Я взял извозчика и спешно вернулся. Я нигде не мог найти Наталью. Морозов и Шпак, мои друзья, помогли мне в поисках. Среди танцующих ее не было. В саду – тоже не было. И тут я услышал крик в стороне флигеля. Пьяный Розенберг приставал к Наталье, на ее лице я увидел синяк. Дальше все произошло как-то само собой и очень быстро. Был правый хук Розенбергу в челюсть и вызов на дуэль. Как ни странно, на дуэль вызвал меня он. Он думал, что я откажусь и извинюсь!!! Кретин ...

Мной были выбраны пистолеты. Розенберг был одним из

первых стрелков на курсе. Розенберг-старший часто брал сына с собой на охоту. Но одно дело стрелять в незащищенных загнанных зверушек, совсем другое – убить человека, который тоже будет в тебя стрелять ... Я очень хотел убить эту мразь. Бог услышал меня, и выбор стрелять первому достался мне.

Розенберг встал в профиль, повернул в мою сторону голову, картинно вскинул подбородок, а правой рукой с пистолетом прикрыл сердце. Но я целился не в сердце. Моя пуля прошла точно между карих розенберговских глаз. Никогда не забуду их предсмертное удивление ...

А дальше – карцер. Трибунала еще не было. Розенберг отомстит за сына. В этом никто не сомневался.

- Ты знаешь, Григорий, дуэли с одной стороны вредны, потому что уменьшают численность офицерства, с другой – благодаря им, становятся меньше таких сволочей, как Розенберги. Я сделаю все возможное, чтобы ты был оправдан – таковы были слова начальника курса, когда я видел его последний раз. И я не терял надежду ...

Жандарм открыл дверь и толкнул меня в кабинет следователя.

- Полегче, вахмистр! – сказал человек, сидящий за столом.

- Извиняюсь, Ваше благородие – ответил жандарм и быстро вышел, закрыв дверь.

Это был не следователь. Передо мной сидел полковник царской армии! Он не поднимал глаз, а смотрел в стол. Он начал разговор, не поднимая головы.

- Здравствуйте, юнкер Плетнев.

- Здравия желаю, господин полковник ... - ответил я с удивлением.

- Григорий Плетнев... По успеваемости Вы третий на курсе. У Вас лучшие баллы по риторике, тактике, баллистике. Вы верный товарищ, пылкий и честный влюбленный ... И, вместе с тем, - хладнокровный убийца. Многие, и я в том числе, Вас понимают, но ситуация, в которой Вы оказались, практически безвыходная. Как Вы думаете, кто Вам поможет? Кто сможет выступить против отца Розенберга? Ваша возлюбленная? Ваше начальство? А может быть, Ваши родители?

Я молчал.

- Вот, кстати, Ваша характеристика от курсового офицера. В ней указано, что Вы, оказывается, имели множество дисциплинарных взысканий, обвиняетесь в вольнодумстве. Удивительно, как Вас раньше не отчислили!

- Но это не правда! – ответил я.

- Знаю, что не правда. Эту характеристику на Вас написал начальник курса по просьбе отца Евгения Розенберга. Вероятно, эта просьба измеряется несколькими сотнями рублей.

- Вот показания Натальи Вороновой, – продолжал он. -

В них она указывает, что на балу она танцевала с Евгением Розенбергом. Не важно, что после танца у нее появился синяк под глазом. Про синяк она умалчивает. А вот про то, что Вы из ревности вызвали Евгения на дуэль, это она открыто заявляет. Эти показания подтверждаются свидетелями.

Я на минуту потерял дар речи. Наташа? Нет, она не могла. Ее заставили ...

- Я вижу, о чем Вы думаете. Нет, ее никто не заставлял. Ну, разве что деньги заставили. Ведь она, как и Вы, из обедневшего дворянского рода. Только два человека на свете остались верны Вам – Ваши родители. Они никому не верят. Они убиты горем. Все их прошения о Вашем помиловании теряются на низших инстанциях.

Сердце кольнуло. Мои родители. Я - их единственная надежда и опора. Что будет с ними? Я им ничем не могу помочь... Мама, папа, простите меня. Простите, пожалуйста...

- Теперь о том, что Вас ждет, – продолжал он. – Виселица? Может быть, но вряд ли. Скорее всего - каторга лет на десять - двенадцать. Не за дуэль, а за вольнодумство. Но Вы не будете так долго находиться на каторге. Вас там сгонят раньше по просьбе Розенбергов.

- Господин полковник, Вы вызвали меня для того, чтобы сказать все это? Чтобы я окончательно потерял надежду и сломался? Знайте, этого не будет. Все-таки, я пока еще

юнкер, им в душе и останусь. Все, что мне пошлет судьба, я выдержу достойно!

- Хороший ответ, юнкер! Но подумайте, ради чего Вы на это пошли? Ради девушки, которая предала Вас, как только ей предложили хорошую цену? Ради начальства, которое могло за Вас вступить - и не вступилось? – в его голосе звучали жесткие нотки. – Вы давали присягу Императору. Как Вы помогли стране своим поступком?! Как Вы помогли своим родителям?! Кому Вы принесли пользу, юнкер?! Одним выстрелом, нельзя спорить - весьма точным, Вы зачеркнули свою жизнь и жизни близких Вам людей!

- Господин полковник, дайте мне револьвер с одним патроном!

- Молчать!!! Да ты, я вижу, совсем дурак!

- А зачем Вы все это мне говорите?

- Вот зачем, Плетнев – его голос стал мягче, – я предлагаю Вам выход. Все то, что для Вас сейчас представляет ценность – ничто по сравнению с судьбой мира, судьбами государств. Есть силы и люди, которые действительно правят миром. Есть ДОБРО и есть ЗЛО. Их силы примерно равны и, иногда, они меняются местами. Они и должны быть равны. У Вас хорошие задатки для того, чтобы воевать на этой войне. На войне, где нет ни добра, ни зла. На войне, где нет государств. На войне, где нет времени. В вашем случае победило ЗЛО. А я предлагаю Вам быть всегда над схваткой. Слышал ли ты что-нибудь о рыцарских ор-

денах? Я предлагаю тебе стать одним из нас – сказал он и посмотрел мне в глаза.

Я удивился, но взгляда не отвел. В его глазницах НЕ БЫЛО ГЛАЗ! Из глазниц исходило свечение. Спустя пару секунд свечение прекратилось. Синие глаза полковника смотрели на меня. В его взгляде не было вопроса. Казалось, он всего лишь ждет, когда я соглашусь. Действительно, для меня отказаться означало бесполезную и позорную смерть. Согласие сулило мне интересное и непонятное будущее.

- Я согласен – ответил я, – но у меня два условия. Я хочу увидеть своих родителей и товарищей по курсу.

- Хорошо, Григорий. Но для них ты умер. Вот твоя могила, – и он показал мне фотографию могилы на Новодевичьем кладбище. – Сейчас ты вернешься в камеру и крепко заснешь. Ты увидишь их во сне, но они не увидят тебя. Эту способность ты получишь только на короткое время ...

В казарме объявили подъем. Юнкера спешили на занятия утренней гимнастикой.

- Андрюха, ты слышал, Гришка в карцере умер! – сказал Морозов Шпаку.

- Да, слышал. Жалко его. Говорят, сердце не выдержало.

- Он такой впечатлительный был. А его все сдали. Курсовой наш, гнида, ему такую характеристику написал, что не понятно как он тут учился вообще. Подруга предала его практически сразу.

- Мы же всем курсом ходили просить за Гришку! Гнида наш курсовой. Надо придумать, что бы сделать с ним.

- Сделать можно, но, я думаю, уже не надо. Он пьет третий день. Рапорт на него я передал через своего батыю. Будет, сука, Гришку помнить, когда бродяжничать станет. Не один Розенберг у нас с протекциями! – весело сказал Морозов.

- Не думал, я, Серега, что ты до своего батыки пойдешь!

- За друзей пойду не только до батыки!

СЧАСТЬЯ ВАМ, РЕБЯТА!

Морозов и Шпак оглянулись.

- Серега, ты еще что-то сказал?

- Нет, а ты?

- Нет.

- Наверное, ветер...

- Саша! Гриша умер! – Наталья Андреевна упала на кресло и схватилась за сердце. Письмо выпало из ее рук. Почтальон стоял в дверях, потупив взор.

Александр Владимирович бросился к супруге. Из глаз Натальи Андреевны текли слезы. Она тихо плакала. Ее взгляд был пустой и отрешенный.

- Наташа, успокойся. Не плачь. Может, ошибка какая? – говорил он и сам себе не верил.

Почтальон смахнул слезу и вышел, не говоря ни слова.

Два пожилых человека сидели в комнате на диване, взяв-

ишь за руки, и молчали вот уже несколько часов. Казалось, за эти часы они еще больше постарели. Их лица были полны тоски и безысходности ...

МАМА, ПАПА, УСПОКОЙТЕСЬ! СО МНОЙ ВСЕ ХОРОШО! ЖИВИТЕ ДРУГ ДЛЯ ДРУГА! ВАМ ПОМОГУТ, Я ОБЕЩАЮ!

- Саша, ты что-то сказал?

- Нет.

- Мне показалось, что кто-то говорит Гришиным голосом.

- Я тоже что-то слышал. Наверное, от старости и от горя нам с тобой голоса мерещатся.

- Может, и мерещатся, Сашенька, но у меня как будто камень с сердца сняло. Ты правильно говорил, что это ошибка. Я сердцем чувствую, что с Гришей все хорошо. Он ведь у нас умный, только вот горячий и впечатлительный – весь в тебя!

ПРОЩАЙТЕ И ПРОСТИТЕ МЕНЯ!

Сегодня приезжает Андрей. А это значит, что я должен быть бодр, свеж, и излучать здоровье и твердость духа. Бланка запекла поросенка и испекла пирог и вообще наготовила еды на целый взвод.

С минуты на минуту Карлос должен привезти Андрея. У мальчика последние школьные каникулы.

Как только мы с Ольгой и Андреем попали в эту страну,

я побеспокоился о том, чтобы он учился в школе при советском посольстве, и вместе с тем, мой человек преподавал советским детям и моему сыну каратэ. Для русских каратэ – экзотика, поэтому у советских чиновников ни разу не возникало вопроса, почему с их детьми учится кубинец. Они не знали, что мой сын такой же кубинец, как и их дети. Советское образование – одно из лучших в мире. Это знал и я, и Ольга, поэтому мы определили нашего мальчика в русскую школу ... Ольга, как жаль, что ты не увидишь нашего мальчика. Он возмужал. За эти месяцы он повзрослел не на один год.

Мои глаза стали влажными. Снова я думаю о ней...

Андрей один из лучших учеников в классе. У него средний балл чуть ниже пяти. Он говорит на испанском и русском свободно. Чуть хуже – по-английски. Кроме этого, Генрих (в этой стране его называют Команданте Гонсалес), тренер по рукопашному бою, говорит, что он неплохой боец. Не только по физическим данным, но и по духу. А это – главное. Хотя когда-нибудь эти навыки я сам проверю. За этот месяц мы с Андреем поупражняемся в стрельбе и плавании. У мальчика есть все для того, чтобы достичь многого в этой жизни. Я все сделал для этого.

У меня же была немного другая школа ... В горах Черногории ...

Черногория

Я вдохнул полной грудью свежий горный воздух. Передо мной расстилалась горная долина. Строгие темные горы и зелень деревьев внизу завораживали взгляд. Солнце садилось, и я любовался закатом.

За все время обучения я так и не понял, как монахам удалось построить этот монастырь в скале. Но сейчас это меня не очень интересовало. Завтра последний экзамен. После этого экзамена каждый из нас станет Инквизитором ... или умрет.

Те, кто станут Инквизиторами, получают задания и разойдутся по миру. Мы будем воинами за благо человечества. Эта война идет уже более двух тысяч лет. Мир мало изменился. Люди изобретают что-то новое, но все равно становятся еще более жестокими. Все козни, которые люди строят друг другу, становятся еще более изощренными. Войны идут постоянно, и в них погибает все больше людей. Мы призваны управлять этим хаосом. Если быть более точным – выполнять поручения Магистров Ордена. Поручения Магистров могут быть и такими, что можно содрогнуться от их жестокости. Но это Зло во Благо, чтобы предотвратить еще большее Зло. Каждый из нас это прекрасно понимает. Так было в Испании, где уничтожили по-

чти всех ведъм, а вместе с ними и всех красивых девушек и женщин, так было в Америке, где уничтожили жрецов, приносящих в жертву людей, а вместе с ними две цивилизации. Так было и так будет. Все, что мы ни делаем, мы делаем во благо. Мы не стоим за ценой ...

Я вспоминаю слова Великого Магистра. Вчера он всех нас собрал в лекционном зале и сказал о последнем экзамене. Он говорил, что все то, чему мы научились за эти годы, не важно для последнего экзамена. Каждый из нас владел в совершенстве несколькими способами лишения человека жизни. Каждый из нас умел воздействовать на людей, делая из своих злейших врагов союзников, каждый из нас знал, как себя вести с людьми разных сословий и разных культур. И, что еще более важно, – каждый из нас был обучен специальным практикам сохранения жизни. Чтобы убить Инквизитора, ему надо или отрубить голову, или лишить его возможности дышать более часа. Лишить жизни Инквизитора никто из нас не мог. У каждого из нас стоял внутренний этический запрет на уничтожение себе подобных. Именно поэтому мы представляли огромную ценность для Ордена с одной стороны и огромную опасность с другой, в том случае, если кто-то из нас сойдет с Пути. Последний экзамен должен выявить в душе каждого из нас ту слабость или убеждение, из-за которых кто-то из будущих Инквизиторов может свернуть с Пути.

Готовиться к этому экзамену бессмысленно. Вопросы

там задаваться не будут. Великая Провидица будет общаться с подсознанием каждого из нас. Мысленно она задаст три вопроса. Неправильный мысленный ответ на один из них означает смерть.

И сейчас я смотрел на этот прекрасный пейзаж. Вдыхая вместе с воздухом силу, красоту и величие той природы, которая меня окружала. Я уверен в себе, и я увижу этот пейзаж завтра. Солнце зашло, и я пошел в келью спать. Перед каждым экзаменом надо хорошо выспаться ...

Экзамен начался ровно в 9:00.

- Каждый, кого вызовут, становится на круг Силы перед провидицей – сказал Великий Магистр, - ни на что и ни на кого не обращать внимание. Смотреть только на Великую Провидицу. Думать только о вопросе. От этого зависит жизнь каждого из вас. Удачи.

Впервые за годы обучения я слышу от Магистра пожелание удачи. «Удача для неудачников», - обычно говорил он. – «Вы должны уметь управлять событиями Вашей жизни!». Кто этого делать не умел - отчислялся. Возвращался в ту страну, из которой прибыл, и начисто забывал о том, что было в Школе.

Вызвали первого кандидата. Монах встал в круг силы перед Великой Провидицей. По обе стороны от него быстро появились два стражника. Оба двухметрового роста. Они были в черных плащах с большими капюшонами, скрывающими

ми их лица. Монах в кругу словно оцепенел. Его взгляд встретился с взглядом провидицы. С его лба текли капли пота. Так продолжалось около пяти минут. В зале повисла мертвая тишина ...

- Экзамен пройден, – сказала провидица. Монах, ссутулившись, вышел из круга и уселся на скамью по другую сторону от нас, тяжело дыша.

Теперь он - Инквизитор. Только восстанавливаться после экзамена будет, наверное, дня три, как минимум.

Еще четверо монахов прошли испытание. Теперь уже пятеро Инквизиторов сидели на скамье. Но никто из них не делился впечатлениями, как это обычно бывало после других экзаменов. Все они потратили очень много жизненных сил...

В круге Силы стоял шестой монах. То же самое оцепенение, тот же самый взгляд в глаза провидицы.

- Экзамен НЕ пройден, – сказала провидица, потупив взор.

В то же мгновение стражники схватили монаха за руки. И потащили к Черной Стене. Он не сопротивлялся. Это было невозможно. Он не кричал. Его просто волокли, как мясную тушу, навстречу его смерти. Я видел Черную Стену неоднократно. Эта стена проходит через весь монастырь и является частью Черной Скалы, в которой построен монастырь. Я думал, что его (монаха) сейчас с огромной силой ударят о Стену. Но нет. Когда два существа бросили его на стену, монах, издав предсмертный вопль, исчез в стене ...

Я и мои товарищи по Школе переглядывались. В наших

глазах был страх. Великий Магистр посмотрел на нас, его взгляд был печален. В глазах Великой Провидицы блеснули слезы.

- Объявляется перерыв, – сказал Магистр и вышел, сейчас он потерял своего ученика. Того, в кого он вложил столько времени, сил и частицу своей души.

Десять минут пролетели как одно мгновение. Первым после перерыва вызвали меня.

Когда я встал в круг Силы, мои ноги словно одеревенели. Я не мог пошевелиться. Я посмотрел в глаза Великой Провидицы. Странно. Я не мог сформулировать вопрос, который она мне задала мысленно, но я знал что отвечу. Только подумав об этом, я увидел ее одобрителный кивок. Значит, один вопрос есть. Похожее ощущение было и во второй раз. В третий раз на мысленный вопрос провидицы у меня было ДВА ответа. Надо было выбрать один. Как это сделать, я не знал. Вдруг передо мной возник образ Натальи. Моей Натальи. И этот образ предлагал мне один из двух ответов. Я колебался. В глазах провидицы я прочел ту же печаль, что была при экзамене шестого монаха. Я выбрал ДРУГОЙ ответ.

- Экзамен пройден, – сказала провидица, - кто-то из зала воздействовал на экзаменуемого.

Опомнившись, я ощутил, что со лба моего струится пот, а стражники уже крепко держат меня за руки. Я был на волосок от смерти.

Стражники тоже, видимо, опомнились и отпустили меня. Провидица проходила по рядам скамеек и вглядывалась в глаза каждому из монахов. В это время один из Инквизиторов, уже прошедших испытание, стал пробираться к выходу. Я заметил это и устремился за ним. Но я еще не оправился от экзамена, мои ноги подкосились, я упал ...

За меня это сделали Стражники. Снова предсмертный вопль, и предатель исчез в черной скале. Оказывается, Великая провидица тоже может ошибаться...

Я снова смотрел на закат солнца. Красота и покой. Я наслаждался прекрасным видом долины. Еще неделю я пробуду в монастыре. Потом будет первое поручение, потом еще поручение. Этих поручений будет множество ... Увижу ли я снова эту долину, монастырь, в котором я постигал Истину? Увижу ли тех, с кем учился? Великого Магистра? Скорее всего, нет...

- Папа, здравствуй! – сказал Андрей по-русски и вышел из машины и протянул мне руку.

- Здравствуй, сынок! – я пожал его руку и обнял.

Карлос и Бланка улыбались. Они не понимали, на каком языке мы говорим, но видели радость в наших глазах, и улыбались, поглядывая друг на друга.

Мы прошли в дом. Андрей увидел накрытый стол.

- Тетя Бланка, Вы как всегда превосходите себя, - сказал

Андрей уже по-испански, - съесть это все невозможно, но очень хочется.

- Кушай, сколько хочешь, сынок. Еще три дня отдыхай, приходи в себя, набирайся сил. Потом составим план занятий и тренировок на твои каникулы и распределим их так, чтобы ты не устал от такого отдыха.

- Команданте, дайте мальчику забыть о занятиях хотя бы сегодня. Он только приехал, - сказала Бланка, - у него могут быть другие планы на каникулы. К тому же, - продолжала она, - может быть, у сеньора Андреаса есть уже молодая сеньорита, - она улыбнулась, а Андрей покраснел.

- Прекрати смущать парня, Бланка, - сказал Карлос жене, - он сам разберется, что ему делать, а что не делать. Я правильно говорю, Андреас?

- Вы правы, дядя Карлос. Только Вы меня понимаете. Я только приехал в родной дом, а мне то предлагают продолжить занятия, от которых я устал, то говорят про каких-то девчонок, - он снова покраснел. - Хватит. Дайте хоть покушать и отдохнуть по-человечески ...

- От девчонок, я смотрю, ты тоже устал, - сказал я, улыбаясь.

После того, как мы искупались в океане, Бланка пригласила всех за стол. Ужин был великолепным. За столом царил веселье. Все шутили. Время идет, все беды забываются,

все проходит. Всем своим видом я тоже показывал веселье.

- А теперь – пирог с индейкой! – торжественно объявила Бланка, внося блюдо с пирогом, - Команданте, как хозяин этого дома Вы должны разрезать пирог.

- Разумеется, Бланка, - сказал я и, взяв нож, стал резать пирог, а Бланка укладывала куски пирога на тарелки и разносила их. Держа в руке нож, я отчетливо вспомнил свое первое задание. Но тогда в руке у меня был не нож, а ятаган. Это была Персия ...

Персия

- Поздравляю Вас, штабс-капитан, – сказал Вениамин Аркадьевич Ремизов, посол России в Персии, - кто бы мог подумать, чтобы командир роты обеспечения посольства удостоился бы чести повидаться лично с шахом. Эта Ваша выходка с молодым лордом Веллингтоном могла бы стоить Вам трибунала, высылки из страны и, может быть, каторги. Но шах лично вступился за Вас, Григорий Плетнев, нота протеста, что англичане объявили нам и Персии отозвана. Шах лично побеспокоился. И теперь он хочет видеть Вас. Перед Вами открываются большие перспективы, Плетнев. Не ударьте лицом в грязь. Вы можете стать дипломатом в столь юном возрасте и без протекций. Если проявите себя с лучшей стороны, я лично буду ходатайствовать о Вас перед Государем. А сейчас, голубчик, посоветую Вам держаться сдержанно, с достоинством, не пейте много, удивляйтесь побольше – шах это любит. Ни пуха, ни пера...

- К черту! Премного благодарен, Ваше превосходительство, - ответил я, - не подведу.

Не знал Вениамин Аркадьевич, что «эта моя выходка с лордом Веллингтоном» была лишь одной из ступеней моего пути. Пути к шаху Персии. А что произошло? Да ничего особенного. Обычная дуэль.

Неделю назад я прогуливался по базарной площади. И какой-то пьяный европеец пытался приподнять паранджу у одной из местных женщин. Не буду говорить, что это значит для мусульман. Я вступился за женщину, и дал пощечину подлецу... Если можно назвать правый хук пощечиной. Европеец пытался жеманными движениями ответить мне, но получил еще один удар — апперкот в солнечное сплетение. С земли его подняли спутники. Состязаться со мной в рукопашной ни у кого из них не возникло желания. Отдыхавший, Джон Веллингтон, так звали англичанина, вызвал меня на дуэль.

Все протекало по обычному сценарию. Я выбрал пистолеты. Первый выстрел достался мне. Веллингтон встал в профиль, прикрыл пистолетом сердце, повернул ко мне голову и вскинул подбородок. Моя пуля прошла между его глаз.

Веллингтону-младшему было двадцать два. У него могли бы быть дети. Красивые умные дети. Но молодому лорду Веллингтону это не грозило. Как я потом узнал, он был уже гомосексуалистом и наркоманом со стажем. Поэтому его смерть не принесла никакого ущерба человечеству.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.